

А Ю ФИЛИН?

Евгений Панкратьев

Фото предоставлено Джоном Слотом





Джонатан Слот, 33-х летний магистр орнитологии, изучает уникальный вид птиц, обитающий исключительно на Дальнем Востоке, — рыбного филина. Жизнь ученого состоит из постоянных перемещений между родной Миннесотой и Приморским краем. За несколько лет таежных экспедиций американец почти в совершенстве овладел русским языком и получил достаточный опыт, чтобы сравнивать Россию с Америкой.

Перемена мест меня не смущает. Я родился в Вашингтоне в семье дипломата и с детства жил в разъездах. В России в первый раз тоже оказался по семейным обстоятельствам. В начале 1990-х моего отца перевели в Москву, а спустя пару лет, — во Владивосток в связи с открытием здесь дипломатической миссии. Мне было интересно все: люди, культура, природа. Живя во Владивостоке, я изучал русский язык в университете и работал волонтером в «Корпусе мира». Эту организацию основал президент Кеннеди для того, чтобы люди во всем мире не думали, что в Америке живут одни зарвавшиеся капиталисты.

Орнитологом я решил стать после того, как вернулся на родину. К тому времени я уже побывал в уссурийской тайге, познакомился с местными учеными, и это определило направленность моих исследований: птицы Дальнего Востока России. Если бы не знание русского языка, меня бы, пожалуй, не взяли в аспирантуру. Но я убедил факультет в том, что с моими знаниями сумею внести вклад в науку.

В Америке многие ученые интересуются дальневосточными птицами, но единицы владеют русским языком. Сначала я был переводчиком, участвовал в совместном проекте МГУ и Вашингтонского университета. Теперь занимаюсь самостоятельными исследованиями, работаю над докторской диссертацией «Влияние вырубок на певчих птиц в кедровниках Сихотэ-Алиня». Конечно, без помощи приморских орнитологов из ДВО РАН я бы ничего не мог сделать. В первую очередь, я обязан Сергею Сурмачу, крупнейшему в мире специалисту по рыбному филину. Кстати, насколько я знаю, кроме меня и одного моего коллеги, изучающего птиц в Магаданской области, на Востоке России больше никто из американцев-орнитологов не работает.

Надо немного бояться лес, чтобы его уважать. В Миннесоте, когда тыходишь в лес, ты думаешь: «Ну, в принципе, ты можешь где-то увидеть медведя». А в уссурийской тайге встреча с диким зверем — обычное дело. Правда, тигра я не встречал. Только видел с вертолета. Некоторые русские слова я не могу перевести. Например, «синехвостка» — птичка, живущая в Приморье. Не знаю, как это по-английски.

Каждая поездка в тайгу — новое приключение. Однажды зимой шел по течению таежной реки Максимовка и вдруг увидел дикого козла. Он тоже по-

смотрел на меня, наверное, испугался и рванул по льду через реку. А поскольку был тяжелым, провалился и начал тонуть, разбивая копытами и рогами по льду. Что делать? Пришлось подойти и вытаскивать его лыжными палками. Спасшись, он пошел в другую сторону, время от времени оглядываясь на меня. Видимо, обдумывал произошедшее событие.

Когда я приезжаю в Россию, я меняюсь. Становлюсь более терпимым и терпеливым. К примеру, транспорт. В Америке задержка рейсового автобуса — это скандал. А я как-то застрял в Тернее на несколько дней, прихожу на автостанцию, спрашиваю: «Когда будет следующий автобус?» Говорят: «Не знаем». «А когда это будет известно?» — «Не знаем». Что делать, решил идти пешком, добираться на попутках. Иду по поселку. Тут меня окликают кто-то: «Эй, Джон!» Оказалось, знакомый пилот из авиакомпании «Владивосток Авиа». «Ты куда?» — спрашивает. «Во Владивосток». «Ну, давай с нами». Довезли прямо до города на вертолете... После многочисленных экспедиций, думаю, я прилично выучился ругаться по-русски.

Меня очень многое привлекает в России, но есть две вещи, которые я, наверное, никогда не научусь делать так же, как русские. Париться в банях и пить водку.

Русские — самостоятельные люди. Особенно те, кто живет в тайге. Им не на кого надеяться. Может прерваться сообщение. Не будет завоза продуктов. Если такое случится в американском селении, это будет катастрофа, а для приморских деревень — обычное явление. Люди делают запасы и надеются только на себя. Меня поначалу удивляло, что в Амгу (небольшая отдаленная деревня на севере Приморского края. — Прим. ред.) никто ничего не выбрасывает. Что-то сломалось в хозяйстве, мужик из сарая вытаскивает мешок с барахлом и выуживает оттуда железку, которую как раз можно подогнать.



Иностранцем быть утомительно. Как я ни стараюсь, даже собаки в таежном поселке видят во мне чужака. По походке, что ли?

И в России, и в Америке у людей искаженное представление друг о друге. Думаю, виной тому государственная пропаганда в обеих странах. Больше всего меня удивляет, что в последние годы этот процесс особенно активен у меня на родине.

Меня очень многое привлекает в России, но есть две вещи, которые я, наверное, никогда не научусь делать так же, как русские. Париться в банях и пить водку. Дело, конечно, не в самом напитке. Я, к примеру, люблю много чего, в том числе и водку, а мой любимый напиток — это шотландский виски «Лафройг» (“Lahproaig” — изысканный напиток с торфяным дымком. — Прим. ред.). Меня искренне удивляет: зачем пить так много? Как это? Иногда кажется, что русские с детства приучаются к алкоголю.

Возможно, Том Уэйтс и прав: «Где бы я ни приклонил голову, там — мой дом». Но на самом деле иностранцем быть утомительно. Как я ни стараюсь, даже собаки в таежном поселке видят во мне чужака. По походке, что ли? Впрочем, есть одна собачка, которая наоборот, всех норовит укусить, а ко мне проявляет симпатию. Но сути это не меняет. Иногда так сильно хочется хотя бы часок послушать родную речь или вообще побыть в тишине. Дома я иду в магазин и вижу глаза, которые меня сразу понимают, а в общении с местными продавцами постоянно возникает какая-то двусмысленность. Но дома я скучаю по России и делаю то, чего здесь обычно не делаю: смотрю хорошие русские фильмы (вроде Тарковского) и учу друзей пить водку с тостами.



Джонатан Слот с женой на пороге своего дома в Миннесоте
Johnatan Slaght with his wife at home in Minnesota

AMERICAN ORNITHOLOGIST IN PRIMORSKY KRAI

Eugeny Pankratiev

Photos by Jonathan C. Slaght

Johnatan Slaght is a 33-year-old ornithologist (Ph.D Candidate, Wildlife Conservation; University of Minnesota) who is studying a unique bird species that lives only in the Far East of Russia — the fish owl. The young American scientist is always moving between Primorsky Krai and his home in Minnesota.

I am ok with moving around. I was born in Washington in a diplomat's family and have always been on the move. And that is how I got to Russia. My father was sent to Moscow and then in a couple of years to Vladivostok where a diplomatic mission was being set up. I found everything amazing: people, culture, nature. While living in Vladivostok I was studying the Russian language at university and volunteering for the Peace Corps.

It is only upon coming back home that I decided to become an ornithologist. By that time I had already visited the Ussuri taiga, met local researchers, and this defined my research area — birds of the Russian Far East. But for my Russian language, I would have never been admitted to postgraduate studies. But I persuaded the faculty that my knowledge would make its scientific contribution.

Many American researchers take their interest in Far Eastern birds, but few have any command of the Russian language. I started as a translator, took part in the joint project of the MSU and Washington University. Now I do independent research and write my doctoral thesis titled «Influence of cuttings on songbirds in Sikhote-Alin cedar forests». Certainly, I would not have been able to do anything without help of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Science. First of all, I owe much to Serguei Surmach who is the world's number one fish owl researcher. By the way, apart from me and my colleague who works in Magadan there are no other Americans working in the Russian Far East.

I change when I come to Russia. I become more tolerant and patient. Let's take public transportation as an example. In America a bus delay would be a scandal. Once I got stuck in the village of Ternei for several days. I got to the bus station to ask when the next bus will leave. And they answered that they did not know. «And when will you know?» «We don't know». Then I heard somebody call me — that was a pilot from Vladivostok Air I knew. They learnt I was also going to Vladivostok and gave me a helicopter ride... I think that after many expeditions I have mastered Russian swear words.

People are very stereotypical about each other both in Russia and America. I think the state propaganda is to be blamed for this in both countries. I find it really surprising that this is especially true for America of these recent years.

Being a foreigner in tiresome. Howsoever I try, even the dogs in a taiga village see I am a foreigner. Is it my pace that gives me away? Sometimes I really wish to listen to my mother language for at least an hour, or just to be alone. When I go to a shop in the US a seller understands me, while there is always some ambiguity in my interaction with Russian shop assistants. But when in the US I miss Russia and do what I normally do not do while I am here: I watch good Russian movies (like those by Tarkovsky) and teach my friends to drink vodka with toasts.